

Н.Е. ВОСКРЕСЕНСКАЯ
(Самара)

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЧУЖОЙ
РЕЧИ В СЛАВЯНСКОМ ТЕКСТЕ
ЕВАНГЕЛИЯ ПО СРАВНЕНИЮ
С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИМ**

Исследованы конструкции с чужой речью в старославянском и древнерусском текстах Евангелия, описаны основные способы ввода чужой речи, показаны закономерности перевода глагольных форм и стилистические особенности славянского текста Евангелия в части оформления чужой речи по сравнению с греческим оригиналом.

Ключевые слова: чужая речь, древнерусский язык, старославянский язык, Евангелие.

Конструкции чужой речи представляют собой своеобразное синтаксическое явление, интересное не только с точки зрения собственно истории развития способов передачи высказываний в тексте, но и в связи с формированием сложноподчиненного предложения.

Первые замечания о конструкциях чужой речи появляются в трудах А.А. Потехина, Е.Ф. Карского, Л.А. Булаховского, Е.С. Истриной [16, с. 26 – 27].

Более обстоятельное изучение конструкций чужой речи начинается с середины XX в. параллельно с разработкой вопросов синтаксиса сложного предложения, с которыми тесно связана проблематика способов передачи чужой речи. Эволюция конструкций чужой речи в истории русского языка исследовалась А.И. Молотковым [16], Л.Е. Лопатиной [14], история отдельных конструкций – Е.С. Отиным [19], В.И. Кодуховым [11], О.А. Старовойтовой [21], А.М. Камчатновым [9], характер чужой речи в памятниках в связи с проблемой жанра – О.М. Доконовой [5], Е.В. Душечкиной [6], В.П. Киржаевой [10].

При изучении конструкций с чужой речью в древнерусском языке практически не учитывались евангельские тексты, которые находились у истоков литературной традиции. В связи с этим особую актуальность для изучения истории и развития конструкций чужой речи имеет их исследование в древнеславянских текстах Евангелия.

В данной работе ставятся две задачи:

а) выявить основные способы ввода чужой речи в славянском Евангелии;

б) показать стилистические особенности славянского текста Евангелия в части оформления чужой речи, что представляет интерес для теории и истории создания славянского текста Евангелия и его перевода на современный русский язык.

Обращение к высказываниям с чужой речью в тексте Евангелия как к предмету исследования обусловлено и значимостью этих синтаксических единиц для самого текста Евангелия, в котором они содержатся в среднем в каждом втором стихе, пронизывают весь текст повествования и играют структурообразующую роль: это и устойчивые зачины чтений апракоса, и устойчивый оборот **АМИНЪ ГЛЮ ВАМЪ**, и повторяющиеся в основном авторском тексте и в притчах вводящие конструкции.

Материалом для изучения славянского текста Евангелия послужили старшие древнерусские памятники – Остромирово Евангелие 1056–1057 гг. [18] и Архангельское Евангелие 1092 г. [1]. Остромирово Евангелие является одним из памятников церковнославянского языка и одновременно самым ранним древнерусским списком. Считается, что его принадлежность к памятникам восточнославянского извода обнаруживается преимущественно в фонетическом облике и в значительно меньшей степени в морфологическом строе и в синтаксисе [7]. Архангельское Евангелие – один из ранних памятников древнерусского языка. Оба они являются точно датированными, фиксируют состояние древнерусского языка в начальный письменный период и имеют для его изучения особое значение.

Исследование Остромирова и Архангельского Евангелий позволило выделить основные конструкции чужой речи. Это прежде всего предложения с прямой речью, а также предложения с полупрямой и косвенной речью, которые используются гораздо реже. Полупрямая речь представляет собой сочетание прямой и косвенной речи: после вводящих слов автора ставится союз (как при косвенной речи), а далее следует прямая речь без перестройки в косвенную.

Чужая речь вводится в текст посредством двух основных глаголов: **РЕЩИ** и **ГЛАГОЛАТИ**, а также в комбинации их с другими глаголами речи: **ОТВЕЧАТИ**, **МОЛИТИ**, **ВОЗОПИТИ**, **ВОПРОСИТИ** и др.

Особенность славянских текстов Евангелия в том, что вводящие конструкции в них последовательно выдерживаются в одних и тех же грамматических формах – в большинстве случаев это формы аориста и причастия. Другие формы – настоящего времени, имперфекта и будущего простого – встречаются гораздо реже и отмечаются в определенных контекстах, в их использовании прослеживается определенная закономерность.

Стилистическая целостность славянского текста Евангелия проявляется при сравнении его с древнегреческим текстом и переводом Евангелия на русский язык. Сопоставление обнаруживает, во-первых, строгую последовательность перевода греческих форм во вводящих конструкциях на славянский язык, а во-вторых, небуквальность перевода с точки зрения используемых грамматических форм глаголов речи.

Рассмотрим основные различия греческого и славянского текста Евангелий в способах ввода чужой речи.

1. Греческие формы аориста и настоящего времени глагола употребляются во вводящих словах автора без определенного порядка.

Τῆ ἑπαύριον ἠθέλησεν ἐξελθεῖν εἰς τὴν Γαλιλαίαν καὶ εὕρισκει Φίλιππον. καὶ λέγει αὐτῷ ὁ Ἰησοῦς, Ἐκολούθει μοι. [22] (Утром же захотел Иисус выйти в Галилею и обретает Филиппа и говорит ему: «Иди за мной» [2]) (Ин. 1:43);

καὶ ἔρχεται πρὸς τοὺς μαθητὰς καὶ εὕρισκει αὐτοὺς καθεύδοντας, καὶ λέγει τῷ Πέτρῳ... (Приходит к ученикам и обретает их спящими и говорит Симону Петру...) (Мф. 26:40);

εὗρεν ἄλλους ἐστῶτας καὶ λέγει αὐτοῖς, Τί ὧδε ἐστήκατε. (Обрел других, стоящих праздно, говорит им: «Что вы здесь стоите?») (Мф. 20:6).

Обычно использование настоящего времени в значении прошедшего связывают со стилистическим приемом «оживления» повествования, однако в употреблении этих форм не удается выделить определенную последовательность. Частотность форм настоящего времени в значении прошедшего различается у четырех Евангелистов. Изучение этого явления дает некоторым исследователям основание считать такие формы у Марка результатом влияния синтаксиса арамейского причастия [12]. Как стилистический прием настоящее время используется скорее в Евангелии от Иоанна, в котором данные формы употребляются в

основном у глаголов в функции ввода чужой речи, и это употребление носит более последовательный характер.

В славянском тексте Евангелия формы настоящего времени и аориста последовательно переводятся во вводящих словах автора формами аориста, что делает текст грамматически более единообразным. Ср.:

въ оутрѣи же възсхотѣ ѿс нзити въ галилеѣ и обрѣте филиппа и гл̃а кмоу гради по мѣнѣ (зд. и далее по [18]) (Утром же захотел Иисус выйти в Галилею и обрел Филиппа и сказал ему: «Иди за мной».) (Ин. 1:43);

приде къ оученикомъ и обрѣте ѿ спящихъ и гл̃а симоноу петроу... (Пришел к ученикам и обрел их спящими и сказал Симону Петру...) (Мф. 26:40);

обрѣте друи҃гъи҃а стоѣща҃ празды҃нъи҃ гл̃а имъ чьто съде стоите (Обрел других, стоящих праздно, сказал им: «Что вы здесь стоите?») (Мф. 20:6).

2. В греческом тексте Евангелия во вводящих конструкциях используются также формы имперфекта от глаголов λέγω и φημί:

ἔλεγον οὖν οἱ μαθηταὶ πρὸς ἀλλήλους, Μή τις ἦνεγκεν αὐτῷ φαγεῖν (говорили ученики между собою...) (Ин. 4:33);

ἔλεγον δὲ πολλοὶ ἐξ αὐτῶν, Δαιμόνιον ἔχει... ἄλλοι ἔλεγον, Ταῦτα τὰ ῥήματα οὐκ ἔστιν δαιμονιζομένου... (Многие из них говорили: «Он одержим бесом...». Другие говорили: «Это слова бесноватого...») (Ин. 10:20, 21);

ὁ δὲ Ἰησοῦς ἔφη, Σὺ λέγεις (Иисус говорил ему: «Ты говоришь») (Мф. 27:11);

καὶ μετὰ βραχὺ ἕτερος ἰδὼν αὐτὸν ἔφη, Καὶ σὺ ἐξ αὐτῶν εἶ (Вскоре потом другой, увидев его, говорил: «И ты из них») (Лк. 22:58).

В славянском тексте Евангелия формы имперфекта используются последовательно в одном типе ситуации (б) – когда в народе происходит обсуждение каких-то событий, описывается возмущение или недоумение и др. Во всех остальных случаях наблюдаются формы аориста (а):

(а) ἔφη αὐτῷ ὁ Ἰησοῦς, Ἐὰν γε ἐλεύθεροὶ εἴσιν οἱ υἱοί...

рече же кмоу нѣс оубо свобода ли сжть снове... (Мф. 17:26).

ἔλεγεν δὲ αὐτὴν τὴν παραβολήν· Συκῆς εἶχεν.

гл̃а же снѣ притѣчѣ•смокобницѣ имѣаше нѣкъто (Лк. 13:6).

(б) ἔλεγον οὖν αὐτῷ, Σὺ τις εἶ.

гл̃аахѣ же кмоу ноуден тѣ къто кси (Ин. 8:25).

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

οἱ δὲ Φαρισαῖοι ἔλεγον, Ἐν τῷ ὄρχοντι τῶν
δαμονίων ἐκβάλλει τὰ δαμόνια...

**а фарисен гл̣ахъ о кънази
вѣсть • изгонитъ вѣсты...** (Мф. 9:34).

3. Грамматическое единство конструкций, вводящих чужую речь, в славянском тексте Евангелия выявляется также и при сопоставлении использованных в составе конструкцией чужой речи форм будущего времени и сослагательного наклонения. Формы будущего времени употребляются в так называемых конструкциях чужой речи «второй степени» [17, с. 4], а именно в «словах автора», принадлежащих, как правило, Иисусу или герою притчи, который функционально ему соответствует («И сказал Иисус: ...и придет господин и скажет тебе: ...).

Случаи употребления сослагательного наклонения семантически и контекстуально тесно связаны с предыдущими. Их близость отражается и в переводе: формы сослагательного наклонения переводятся формами будущего времени изъявительного наклонения:

(а) καὶ ἐλθὼν ὁ σέ καὶ αὐτὸν καλέσας ἐρεῖ σοι, Δὲς τοῦτω τόπον.

пришьдъ зъвавъ ты и оного речеть ты • даждь сегоу мѣсто (Лк. 14:9). – **порѣуеѣтѣ** πρὸς αὐτὸν μεσονυκτίου καὶ εἶπῃ αὐτῷ, Φίλε...

идеть къ нкмоу положюци • и речеть кмоу дроуже • даждь ми възанмъ три хлѣбы (Лк. 11:5).

(б) ἢ πῶς ἐρεῖς τῷ ἀδελφῷ σου, Ἄφεσ ἐκβάλω τὸ κάρφος ἐκ τοῦ ὀφθαλμοῦ σου.

или како речешѣ братоу твоюмоу остави и измжъ сжчыцъ из очесе твоюго (Мф. 7:4). –

ὅς ἂν εἶπῃ τῷ ὄρει τοῦτω, Ἄρθῃ καὶ βλήθῃ εἰς τὴν θάλασσαν...

какѣ иже аще речеть горѣ сеи • двигни сѧ... (Мк. 11:23).

Такое единообразное использование форм будущего времени не только объединяет ситуативно близкие фрагменты текста (а), но и делает в этих случаях стилистически более однородными тексты разных Евангелий (б).

Исследование значительного по объему материала позволяет говорить о большей стилистической целостности славянского текста Евангелия в сопоставлении с древнегреческим. Причиной стилистических различий греческого и славянского текстов Евангелия является принципиально разная история их возникновения.

Греческий текст Евангелия не создавался изначально как священный и был адресован разным аудиториям. Древнегреческий язык Нового Завета представляет собой самостоятельную форму существования греческого языка и предстает как сложное и многослойное образование, отразившее разновременность создания частей канона, влияние разных греческих диалектов, соседних языков, а также разговорную речь с присущими ей языковыми особенностями и тенденциями [8; 13; 15; 20].

Иным по стилистическому характеру является славянский текст Евангелия. Ко времени его возникновения уже был сформирован канон, и перед славянскими первоучителями стояла сложная задача – создать максимально точный и достойный перевод на славянский язык священного текста [3; 4].

В заключение еще раз отметим, что конструкции с чужой речью пронизывают весь текст Евангелия, имеют структурообразующую функцию и большую смысловую нагрузку. Сопоставление текстов Евангелий показывает стилистическую однородность старославянского и древнерусского текстов Евангелия в отношении оформления изучаемых конструкций по сравнению с древнегреческим оригиналом и русским переводом. Таким образом, при решении вопроса об уточнении перевода Евангелия на русский язык, на наш взгляд, решающую роль в языковом отношении должен играть прежде всего славянский текст Евангелия как высокий образец переводческого мастерства и носитель исконной славянской литературной традиции.

Литература

1. Архангельское Евангелие 1092 г. Исследования. Древнерусский текст. Словоуказатели. М., 1997.
2. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: С параллельными местами и приложениями. М., 1995. (В тексте статьи перевод на русский язык приводится по этому изданию, за исключением глагольных форм, вводящих чужую речь, которые даются нами в соотносительных с греческим (или старославянским) текстом грамматических формах.)
3. Верещагин Е.М. Из истории возникновения первого литературного языка славян: Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972.
4. Верещагин Е.М. Из истории возникновения первого литературного языка славян: Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971.

5. Доконова О.М. Способы передачи чужой речи в древнерусском языке (на материале писем XVII в.) // Учен. зап. МОПИ им. Крупской. 1969. Т. 257. С. 211 – 229.

6. Душечкина Е.В. Художественная функция чужой речи в русском летописании // Учен. зап. Тарт. ун-та., 1973. Вып. 306. С.65 – 104.

7. Жуковская Л.П. Значение и перспективы изучения Остромирова Евангелия // Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1961.

8. Иеремияс И. Богословие Нового Завета. М., 1999.

9. Камчатнов А.М. Форма аориста «рече» как знак цитации в древнерусских текстах // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. №1.

10. Киржаева В.П. Статус и формы «чужой речи» в древнерусской житийной литературе XII–XIII вв. // Русский язык: исторические судьбы и современность : III Междунар. конгресс исслед. рус. яз. М., 2007. С. 60 – 61.

11. Кодухов В.И. Сложные предложения с косвенной речью в русском языке второй половины XVII – XVIII вв. // Учен. зап. ЛГПИ. 1956. Т. 122. С. 101–139.

12. Лёзов С.В. Библейское повествование и повествование Марка // Библия: литературные и лингвистические исследования / отв. ред. С.В. Лёзов, С.В. Тищенко. М., 1997. Вып. 1. С. 280 – 295.

13. Лёзов С.В. История и герменевтика в изучении Нового Завета. М., 1996.

14. Лопатина Л.Е. Способы передачи чужой речи в рамках сложного предложения // Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Сложное предложение. М., 1979. С. 422 – 447.

15. Мецгер Б.М. Текстология Нового Завета. М., 1996.

16. Молотков А.И. К истории синтаксических конструкций для передачи чужой речи в русском языке (Конструкция прямой речи) // Учен. зап. ЛГУ. 1958. № 235. С. 23 – 49.

17. Милых М.К. Конструкции с косвенной речью в современном русском языке. Ростов н/Д., 1975.

18. Остромирово Евангелие 1056–1057 гг. М. – Л., 1988.

19. Отин Е.С. К истории развития формы косвенной речи в древнерусском языке // Филол. науки. 1969. № 3. С. 54 – 64.

20. Смагина Е.Б. История греческого языка. Место и особенности языка Нового Завета // Мейчен Дж.Г. Учебник греческого языка Нового Завета. М., 2002.

21. Старовойтова О.А. История формы «рече», функционирующей в роли ввода прямой речи в древнерусских текстах // История русского языка: Лексикология и грамматика. Казань, 1991. С. 110–116.

22. The Greek New Testament. Deutsche Bibelgesellschaft. D-Stuttgart, 1998.

The peculiarities of somebody else's speech transferring in the Slavonic text of the Gospel in comparison with the ancient Greek text

There are researched the constructions with somebody else's speech in the Old Slavonic and Old Russian texts of the Gospel, described the main ways of somebody else's speech introduction, shown the regularities of verb form translation and stylistic peculiarities of the Slavonic text of the Gospel in the area of somebody else's speech transferring in comparison with the Greek original.

Key words: *somebody else's speech, the Old Russian language, the Old Slavonic language, the Gospel.*

А.А. ЗЫКОВА
(Казань)

ЭЛЛИПСИС КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ МОДИФИКАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ (на материале немецко- и русскоязычных интернет-публикаций)

Рассмотрен эллипсис как один из распространенных видов модификации фразеологических единиц (ФЕ) литературного происхождения. Проанализировано использование эллипсиса в целях речевой экономии, для создания эффекта обманутого ожидания, для усиления эмоционально-оценочной функции ФЕ, а также в эвфемистической функции.

Ключевые слова: *ФЕ литературного происхождения, модификации ФЕ, окказиональные преобразования, эллипсис.*

Яркая, экспрессивная речь часто становится визитной карточкой журналистов. Важнейшим свойством экспрессии СМИ В.Г. Костомаров называет ее тяготение к растущей напряженности, повышенному экспрессивно-эмоциональному насыщению, что достигает-